

5. Гура А.В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре / Славянский и балканский фольклор. Генезис, Архаика, Традиции. М.: Наука, 1978. С.159–188.

6. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразологии. СПб.: ФОЛИО-ПРЕСС, 1999.

7 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т.8. Кн.1.

© А.В. Пигин
Петрозаводск

ВОЛОКОЛАМСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ XVI В. О СМЕРТИ

Предлагаемый доклад посвящен группе памятников волоколамского происхождения XVI в. на тему смерти. В центре внимания – малоизвестное волоколамское сочинение 1520-х гг. Повесть о видении Антония Галичанина (далее: ПАнт.). В этом небольшом произведении патерикового типа рассказывается о видении монаха Павло-Обнорского монастыря Антония Галичанина. Однажды во время болезни Антоний увидел бесов, пришедших к нему с различными орудиями мучений: «Инь стояше, якоже древо высота его, и подпершись палицею великою, а инь стояше и кричае якоже свинья. А инии пришедше близ его и глаголющи межъ себе и показавши друг къ другу орудия своя...». Бесы угрожают Антонию жестокой расправой, однако «некая сила» разгоняет их по воздуху. После этого Антоний видит себя на том свете среди плачущих грешников. Перед ним предстают все его грехи, содеянные им «от юности», в виде неких кругов: «... всяк грех въображенъ и написанъ въ образ, какъ сътворенъ, так и написанъ, не книжными словесы, но яко на иконах писаны, а не красками писаны, но дегтем...». Повесть состоит из двух частей: в первой из них повествование ведется от лица автора, собеседника Антония, который пересказывает его «демонологическое» видение, а вторая часть – рассказ о грехах – написана в форме исповеди Антония от его лица.

Важную информацию о том, как воспринималась ПАнт. в Древней Руси, дает ее литературное окружение в рукописях. Особый интерес в этой связи представляют волоколамские сборники XVI в., в которых содержатся наиболее ранние списки повести. Анализ этих сборников показывает, что повесть устойчиво примыкала в рукописной традиции к произведениям о смерти. Так, в сборнике Вассиана Кошки (РГБ, Волокол. собр., № 530) ПАнт. находится в окружении выписки из Жития Андрея Цареградского «о некоем блуднице умершем» и патериковой повести об иноке Иосифе, которому перед смертью явилась Богородица. В рукописи, составленной Нифонтом Кормилицыным (РНБ, Q.XVII.64), вслед за ПАнт. расположены статьи «О преставлении старца Кассиана Босого» (написана самим Нифонтом в начале 1530-х гг.)

и «О святем мученице Иване, иже за Христа мучен во граде Казани» в 1529 г. (Житие Иоанна Казанского). Наконец, Мартин Рыков поместил ПАНт. среди следующих статей (после Сказания): «Прение живота и смерти» 4-й редакции, «Сказание о некоем человеке богобоязливом» и «Житие Иоанна Казанского» (РГБ, Волокол. собр., № 520) Складывается впечатление, что в этих сборниках предпринята попытка своеобразной циклизации произведений о смерти.

Безусловно продуманный, целенаправленный характер носит объединение статей о смерти в сборнике Вассиана Кошки. Во всех трех указанных статьях из этого сборника повествуется о смерти во время болезни, о смерти, которой предшествует видение. Некто из «великих бояр», как рассказывается в Житии св. Андрея, тайный блудник, разболевшись злым недугом и отправился в вечную муку. Перед смертью он был жестоко наказан огнеподобным ангелом, который смотрел на него грозным взглядом, «дръжаше в руце палицу огнену велику». Ангел обличил блудника в совершенных им грехах и жестоко избил его своим огненным жезлом. В небольшой статье о «некоем брате именем Иосифе», расположенной вслед за ПАНт., напротив, описана смерть праведника. Инок Иосиф, тяжело заболевший незадолго до смерти, был удостоен видения: ему явилась Богородица и протянула к нему свои руки, чтобы забрать его душу. Эта подборка Вассиана заставляет вспомнить столь популярные в византийской литературе произведения, описывающие исход души праведника и грешника (ср., например: Видение апостола Павла и др.), а также европейские трактаты об «искусстве умирать» (*ars moriendi*). Смерть грешника всегда мучительна, чаще всего неожиданна, сопровождается страшными видениями грозных ангелов или многочисленных бесов. Смерть праведника – переход в вечную жизнь, спокойный, желанный и радостный, обретение того мира божественного света, ради которого и потрудились при жизни душа. Какое место занимает ПАНт. в этом окружении явно противопоставленных друг другу текстов? Несмотря на некоторое сходство ПАНт. с рассказом из Жития Андрея Цареградского, вряд ли в сознании древнерусского книжника эти тексты отождествлялись. Тем более, разумеется, была очевидна разница в описании смерти Антония и персонажа патерикового рассказа. Повесть воспринималась, несомненно, не столько как рассказ о смерти грешника, сколько как исповедь совестливого человека, осознающего себя грешником. Открытие некоей сокровенной правды человеческого бытия, вызывающей сострадание к герою, – такова, очевидно, суть этого рассказа. Пожалуй, именно психологизм и своеобразная философичность становятся особенно очевидны в нем благодаря тому окружению, в которое поместил ПАНт. Вассиан Кошка.

Три разные смерти описаны и в сборнике Нифонта Кормилицына. Если в рукописи Вассиана Кошки ПАНт. находится в окружении литературных по своему происхождению статей, то Нифонт решил собрать

описания смерти своих современников, умерших в кон. 1520-х – нач. 1530-х гг. «О преставлении старца Кассиана Босого» – небольшая «записка», составленная самим Нифонтом для Василия III и примыкающая к группе памятников XV–XVI вв. о последних днях земной жизни старцев (Рассказ инока Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского, Сказание о последних днях жизни митрополита Макария и др.). Игумен Макарий (Веретенников), анализируя эти произведения, пришел к выводу, что они составляют особый жанр древнерусской литературы (см.: Журнал Московской патриархии. 1986. № 11. С. 68–72). Связанные своим происхождением с Пафнутиевым Боровским и Волоколамским монастырями, эти повести «были написаны, как правило, людьми очень близкими к описываемым лицам и причем сразу же после их кончины» (там же. С. 69). Их «неповторимой чертой», по наблюдениям исследователя, является «бытовизм», отражение повседневной жизни и благочестия старцев (Там же. С. 70). Этот «бытовизм», лаконичность, неукрашенность повествования роднят «записку» Нифонта, ПАнт. и Житие Иоанна Казанского. Вместе с тем само изображение кончины старца Кассиана значительно отличается от описания предсмертного состояния Антония Галичанина. Оно лишено какой-либо экспрессии, «сцен ужаса», это «тихая», мирная смерть праведника, как бы совершаемая по чину. Причащение Святых Тайн, благословение братии, совершение необходимых церковных служб – таковы составляющие этого церемониала. Расположение этих произведений в одном сборнике рядом делает особенно ощутимой их контрастность: в ПАнт. описывается личное, интимное переживание предсмертного состояния самим Антонием – смерть Кассиана показана «извне», в восприятии ее окружающими; встреча со смертью вызывает у Антония слезы и страх – Кассиан ожидает смерть как должное, а потому с радостью; Антоний стремится остаться в одиночестве – Кассиан находится в окружении учеников. Смерть старца Кассиана, если воспользоваться термином Ф. Арьеса (Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992), принадлежит к типу «прирученной смерти», то есть смерти, осознаваемой как должное, естественное явление, как закон высшего миропорядка, который нужно принимать с радостью. Смерть Антония, в терминах того же исследователя, – «смерть своя», осознаваемая как личный, интимный акт, открывающий в человеке его индивидуальность.

Еще один вид смерти представлен в Житии Иоанна Казанского в том же сборнике. Это произведение написано в жанре мартирия и повествует о мученической смерти пленника казанских татар Иоанна (1529 г.), отказавшегося перейти в мусульманство. Несмотря на значительную разницу в содержании, ПАнт. и Житие Иоанна Казанского имеют некоторое стилистическое сходство. Смерть и в том и в другом памятнике изображается с натуралистическими подробностями, с какой-то подчеркнутой физиологичностью в описании страдающего, рассекаемо-

го на части человеческого тела. В ПАНт. бесы срезают «с мясом» «затки» обеих рук Антония, грозятся «распороть» его тело бритвой, «претереть его поперег» огромной пилой. Не менее зловещая картина предстает перед читателем в рассказе о Иоанне Казанском: татары «усекоша главу ему мечемъ, он же паде възнач и толико держащеся глава малыми жилами съ десныа страны, а горло обояи состави по костем пересечены, и еще все тело его изсече и утробу навъсквозь пронзе противу сердца». Учитывая, что татары, как иноверцы и притеснители христиан, вполне могли в сознании православного человека ассоциироваться с бесами, сходство между этими двумя описаниями будет особенно полным.

И все же в этой подборке Нифонта обращают на себя внимание не столько отдельные совпадения между статьями, сколько именно их разительные отличия друг от друга: беспокойная смерть Антония, сопровождаемая мучительными видениями и воспоминаниями – тихая кончина старца-подвижника – мученическая смерть за веру. Размышления о том, как по-разному приходит к человеку смерть, по-видимому, и заставили Нифонта создать этот своеобразный цикл.

В рукописи Мартина Рыкова друг за другом следуют четыре статьи, посвященные смерти, две из которых (ПАНт. и Житие Иоанна Казанского) были переписаны из сборника Нифонта Кормилицына. Соседство двух других произведений в этом сборнике – Прения живота и смерти и Сказания о некоем человеке богобоязливом – уже обратило на себя внимание Р.П. Дмитриевой. По мнению исследовательницы, связь между Прением и Сказанием опирается на общие для них темы: «бренность всего земного», «одинаковое возмездие после смерти всем – и богатым и бедным» (Повести о споре жизни и смерти. М.-Л., 1964. С.60). Тема равенства всех людей перед смертью, столь важная в Прении и Сказании, в ПАНт. не эксплицирована. Тем не менее определенное родство с этими произведениями ПАНт. все же обнаруживает. Во всех трех произведениях повествуется о встрече человека со смертью. Причем обличия, которые принимает смерть в этих произведениях, достаточно разнообразны. В Прении смерть является в антропоморфном образе, напоминающем одновременно «ревушего льва». В Сказании воплощением смерти оказывается разлагающееся в гробу человеческое тело. В ПАНт. о приближающейся смерти напоминают многочисленные бесы, пришедшие к Антонию. Расположенные по соседству друг с другом, эти три произведения создают некий единый образ многоликой смерти с ее разнообразными знаками и атрибутами, что в свою очередь подчеркивает мысль о всеисильности, неуязвимости смерти. Толпа бесов с оружием в ПАНт. не могла не вызывать у читателей ассоциацию с вооруженной различными орудиями смертью из Прения. Общим для Прения, Сказания и ПАНт. являет-

ся также мотив ужаса, который испытывает человек при встрече со смертью: «образ твой страшит мя, и уды во мне трепещут на тебя смотреть» (Прение); «зрю тя, гробе, и ужасаюся твоего видения» (Сказание); «нести бо сего страха страшнее и злее, а не избыть того страха никомуже» (ПАНт.). Тема неминуемости загробного суда и неготовности человека к нему, которая затрагивается в финале Сказания («Что отвечаем в день Страшного суда ко Господу Богу нашему Иисусу Христу?»), получает свое развитие в ПАНт. в образе греховных кругов, в напоминании о загробных мытарствах. Наконец, во всех трех памятниках присутствует восходящий, вероятно, к покаянной лирике мотив сетования о неминуемости смерти, оплакивания человеком своей горькой участи, запоздалого сожаления о несправедливо прожитой жизни: «Ох, ох, ох! Смерть злодею, кто ты можешь убежать? Увы мне грешному, пришел на меня немилостивый злодею» (Прение); «Ох, ох, увы нам грешным, лутчъ бы нас не родили на сей свет, уже родихом, почто мали не умрохом?» (Сказание); «видя тамо яко некую улицу, и в ней множество человекъ ришущих, и вси ходяше тужат и горюют и глаголють: «Ох, ох, горе, горе!»» (ПАНт.). Объединение ПАНт. с Прением и Сказанием в сборнике Мартина Рыкова красноречиво свидетельствует о том, что волоколамский книжник прекрасно осознавал внутреннюю связь этих произведений.

Итак, интерес к теме смерти, загробного воздаяния, доставшийся, очевидно, по наследству от эпохи эсхатологических ожиданий (кон. XV в.) и полемики с еретиками-жидовствующими, был очень велик среди волоколамских книжников XVI в. Этот «суровый» характер волоколамской литературной школы неоднократно отмечался исследователями (см. работы А. Кадлубовского, Я.С. Лурье и др.). Создание произведений о последних днях земной жизни подвижников, собрание Досифеем Топорковым рассказов о видениях-обмираниях (Волоколамский патерик), большое внимание к переводным произведениям о смерти (Прение живота и смерти, Житие Василия Нового и др.), объединение произведений этой тематики в своеобразные мини-циклы в рукописных сборниках – таковы разнообразные проявления этого интереса. ПАНт. занимает в этой группе произведений достаточно заметное место. Окружение, в котором оказывается ПАНт. в волоколамских сборниках, всякий раз высвечивает – независимо даже от желания книжников – вполне определенные грани ее содержания: психологизм повествования, натурализм в изображении человеческого страдания, те или иные эсхатологические мотивы.

Разнообразие человеческого опыта смерти и многоликость самой смерти – так, вероятно, может быть определена суть размышлений волоколамских книжников, составителей этих подборок.